

А. А. Андреев

ПОСОЛЬСТВО КУАИБЕКА ТОПЧИ БАШИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1716–1717 ГОДАХ

Отношения России с государствами Средней Азии в XVIII–XIX вв., прежде всего с Хивой и Бухарой, как считается, достаточно изученный эпизод истории внешней политики нашей страны. Особый всплеск интереса к данному региону в контексте отношений России с местными ханствами наблюдался во второй половине XIX в., когда достаточно интенсивно началась практика его интеграции в геополитическое пространство Российской империи. Изучая ошибки прошлого, исследователи довольно часто обращались к таким сюжетам, как экспедиции Бухгольца, Бековича-Черкасского, миссия Флорио Беневени. Здесь их интересовала прежде всего практическая составляющая внешнеполитических проектов Петра Великого в отношении вышеупомянутого региона. Возможно, вследствие этого оставались несколько обойденными вниманием аспекты, связанные с приемом посланников из Хивы и Бухары, а также интересные сюжеты, такие как взаимный дарообмен, расселение и перемещение посланников по стране.

В советское время были попытки более комплексно изучить российско-хивинские и российско-бухарские отношения с учетом вышеизложенных аспектов. Но это касалось прежде всего XVII или XIX в. Таким образом, на наш взгляд, несомненно стоит обращаться к таковым сюжетам, имевшим место в начале XVIII в., что позволит, по-новому посмотреть на историю продвижения России в направлении Центральной Азии, которая и по сей день является одной из жизненно важных геостратегических узловых точек пересечения интересов держав.

В начале XVIII в. в Центральной Азии система отношений между государствами и кочевыми народами представляла собой «запутанный клубок» многочисленных противоречий, одним из которых был постоянный конфликт между двумя крупными государственными образованиями – Хивой и Бухарой. Хивинскому ханству приходилось наряду с борьбой против Бухары отражать набеги туркменских племен с запада. Хива заметно отставала от своей соседки в экономическом и культурном развитии. Бухарское ханство в отличие от Хивинского строилось на культурном и экономическом фундаментах древних цивилизаций Мавераннахра, что значительно сказывалось на его развитии¹.

В условиях все более усиливающегося внутривосточного кризиса в Хиве перед местными правителями вполне четко обозначилась перспектива вассальной зависимости. Первыми этим обстоятельством воспользовались бухарские ханы. Номинально Хива состояла в подданстве Бухары с 1688 г. Именно с этого периода начинаются попытки хивинских ханов перейти в подданство к России, что и было признано номинально

в 1700 г. Одной из задач последующей экспедиции Александра Бековича-Черкасского было придание этому номинальному статусу вполне реальных черт. Усиление России и попытки укрепиться на восточном побережье Каспийского моря, в свою очередь, стали вызывать серьезные опасения у правителя Бухары Абул Феиз хана, которого, как и хивинского, беспокоили как усиливающиеся контакты Бековича-Черкасского с туркменами Мангышлака, так и опасность приближения России к границам Бухарского ханства.

С целью прежде всего изучить намерения России и определить, насколько она располагает потенциалом дальнейшего продвижения в Среднюю Азию, правитель Бухары отправляет своего посла Кулибека Топчи Баши в Санкт-Петербург. Материалы фонда 109 РГАДА «Сношения России с Бухарой» и ранее опубликованные сборники документов позволяют нам детально рассмотреть многие эпизоды, связанные с пребыванием вышеупомянутого посольства в России, что и является целью нашей статьи.

Как мы полагаем, еще на границе с Россией, перед тем как прибыть в Астрахань, первым, с кем посол виделся, был Александр Бекович-Черкасский, о чем последний и сообщил Петру I. И уже затем от царя поступило в Сенат письмо со следующим содержанием: «Писал к нам ныне капитан от гвардии князь Александр Черкасский, что от бухарского хана едет к нам посол. И когда оной приедет, тогда велите ево принять ласковее, и с чем он приедет, о том сообщите помянутому капитану князю Черкасскому. И по коих мест он там будет, по то время того посла задержите, и чтоб он дождался нас»². Петр считал необходимым лично увидеться и переговорить с бухарским посланником. Очевидно также, что цели посольства Кулибек Александру Бековичу раскрывать не стал.

Поступавшие из Сената распоряжения относительно посольства свидетельствуют, что в Сенате, в отличие от Петра I, большого значения приезду посланников из Бухары не придавали. «Бухарского хана посла, когда он прибудет в Астрахань, принять и отправить к Москве через Саратов, и корм и питье давать ему во всем против прежних таких же приезжих послов. А как прибудет к Москве, и в Москве принять ево по прежнему посольскому обычаю Посольской канцелярии секретарям и поставить на дворе, где пристойно, и давать корм же»³.

Тогда же в Астрахани к послу был определен переводчиком и сопровождающим некий Кутлумбет-мурза Тевкелев⁴, известный впоследствии как участник Персидского похода Петра I и посол к казахам Младшего Жуза для приведения их в подданство России. В документах начала XVIII в. он упоминается как Муртаза Тевкелев. К дипломатической службе его привлек Петр Павлович Шафиров, известный дипломат петровского времени, выступил в свое время покровителем будущего генерал-майора и помощника губернатора Оренбургской губернии⁵. Стараясь как можно больше иметь информации о бухарском посольстве, он окружал его преданными ему людьми, такими как Тевкелев.

После непродолжительного пребывания в Москве посольство хана Кулибека было доставлено в Санкт-Петербург 26 июня 1717 г. С посланником было «ханских людей 35, ево посольских 15 человек, купчин 10 человек»⁶. Кулибека приехали встречать на Троицкую пристань господа министры сенаторы князя Яков Федорович и Михаил Владимирович Долгорукие и Тихон Никитич Стрешнев. Дьяк Степан Неелов по приезду на пристань взошел на галеру и поприветствовал посла и купчину через переводчика Муртазу Тевкелева и объявил им, что он послан встретить их и проводить до назначенных им домов. Кулибек и посланный с ним купец Асан слушали Неелова стоя

и благодарили. Затем посланников разместили по трем каретам: отдельно для посла, для купчины и для упоминаемого с ними по документам «ахуна»⁷. Остальные сопровождающие шли рядом с каретами «с ружьями и саблями». По прибытии на выделенные посольству апартаменты на Дворянской улице, в знак вежливости и благодарности за встречу, купчина и двое помощников посла проводили Неелова до кареты и лишь затем вернулись в свои дома⁸.

3 июля к послу прибыл секретарь царя Петр Курбатов, он доставил посла в Сенат, где его предполагалось расспросить о целях визита. Кулибек отказался говорить о «важных секретных делах», ссылаясь на поручение от хана «донести о них лично царю». 11 июля господа сенаторы беседовали с купцом Асаном, который, в свою очередь, выдвинул ряд пунктов, по которым приехали договариваться бухарцы. Одним из самых важных был вопрос об освобождении бухарских купцов. Купец в Сенате озвучил следующее: «Которые Бухарской земли торговые люди Ево ханские подданные приезжают в Российское государство, а именно в Астрахань для торгов, а иные поженясь и живут домами и тем бухарцам чиняца обиды и которые пожив в Астрахани несколько лет хотят ехать паки в Бухары тех не отпускают, а в Бухарские земли русские купцы торгуют свободно и безошплинно и никакой им ни одной обиды не чинитца и отпускают всех из бухарской земли без задержания. И что такожде и Бухарцам которые желают жить в Российском государстве было бы позволено торговати и жить свободно и безобидно. А которые захотят возвращаться в Бухарские земли отпускать не задерживая»⁹.

Об остальном послу все же пришлось поведать. В воскресенье 20 октября 1717 г. «по утру пред обедней изволил его Царское величество прийти в сенат и указал у себя быть вышеозначенному послу и купчине на аудиенцию. Посла доставили на карете принадлежавшей тайному советнику Петру Павловичу Шафирову о двух возницах и з двумя вершинниками. Для купчины была выделена карета секретаря Петра Великого Петра Курбатова. Дары несть послано 12 человек солдат. Когда посол приехал к крыльцу встретил его секретарь Курбатов. Царское величество изволил от верхних палат стоя против дверей на вышине и месте по обе стороны стояли министры а подле министров чрез всю палату до самой двери стояли офицеры и царедворцы»¹⁰.

Во время аудиенции были соблюдены все формальности ритуала. «Посол пришел к дверям и невходя в палаты учинил его Царскому Величеству поклонение став на колени и говорил его царскому величеству Сеит Абдул Азиз Мухамет хан приказал кланяться»¹¹. Потом случилось непредвиденное: участники посольства забыли взять на аудиенцию саму грамоту от бухарского правителя. Посол «потом хотел было лист изречения принести есаул его несенного того листа не нашел и став на колени просил его царского величества прощения после принужден был послать для того листа на двор»². Не обращая внимания на такое досадное недоразумение, Кулибек зашел все-таки в палату и вновь «поклонился его Царскому Величеству». Затем «став на колени говорил, что хан его приказал, его царскому величеству од себя поздравить счастливыми викториями одержанными над шведами»¹³. Государственный вице-канцлер Шафиров спросил посла о здоровье бухарского хана, и после ответа приступили к вручению даров, коих, согласно имеющимся сведениям, было большое количество. Некоторые из них были столь оригинальны, что можно засомневаться в подлинности сведений о них в вышеуказанных исторических источниках. Итак, согласно списку с Кулибеком было прислано от хана: «4 лошади, 9 изарбафов¹⁴, 36 овчин серых, 45 овчин черных, 18 рукавиц

белых, 9 черенков от ножей, 9 ножей черенье писанные, 9 миткалей¹⁵, 9 меллей, 9 бурметей¹⁶, 2 сайдака, 2 лука, 18 колчанов, 2 обезьяны, 1 барс (но в Астрахани оных обезьян и барса у него посла не явлено), 1 кожа джубарсовая¹⁷, 1 Чашка сердоликовая, 1 Чашка (из кости единороговой)¹⁸. От себя лично посол преподнес в подарок трех лошадей. В качестве подарков в списке на первом месте фигурировали «9 человек русских ясырей». На аудиенции их, конечно, не было. Они были освобождены еще в Астрахани, допрошены и отпущены на свободу. В свое время в сборнике князя Хилкова приводился полный текст грамоты Абул Феиз хана, где говорилось о 36 русских пленных¹⁹. В оригиналах документов, находящихся в РГАДА, упоминается только 9.

После демонстрации подарков Петр «изволил пойтить в другие палаты, а посол остался в палате» ждать, пока посыльные принесут забытую грамоту. К обеду, когда грамоту принесли, «Царское величество вышел в палату и посол лист Царскому величеству понес на который свою руку, а государственный подканцлер принял и сказал, послу, что Его Царское Величество выслушать перевод с того царского листа велит»²⁰. В речи посла, которая была запротоколирована, приводятся пункты, по которым Петр указал ответ дать:

«Слышно им, что его Царское Величество завоевал шведов несколько земель и получил викторию над шведом, а оных шведовских народов славят зело храбрыми. Того ради его ханская светлость просит из шведского народу девяти человек женского полу.

Просят 9 кречетов добрых ловчих.

Еще просят его ханская светлость, что слышится у них, что в Государстве здешнем делают сукна ... самые добрыя всяких цветов, которые хотя масло зальются или грязи замажутся в себя не пуцают и цвета не переменяют, дабы несколько афшин оных для пробы к нему прислать.

Которые мусульманы гневом тягчены оных для дружбы отпустить»²¹.

Любопытно, что первым пунктом была просьба поделиться шведским «ясырем», которая, естественно, не была выполнена. Первые три пункта действительно напоминают частые просьбы хивинских и бухарских правителей прошлого века о присылке диковинных подарков. Хивинские правители к этому времени отошли от практики XVII в. напрямую говорить о желаемых подношениях, по всей видимости, из-за номинального статуса зависимости. Таким образом, данная традиция сохранилась в Бухаре по причине того, что контакты с Россией у нее были не столь интенсивны и широки, как у Хивы, и тем более не наблюдалось замыслов каких-либо совместных проектов, как, например, строительство города на Тюк-Караганской пристани. Следует, справедливости ради, заметить, что вышеуказанные просьбы были «завесой». Кулибек прибыл разузнать по возможности о планах Петра I относительно Хивинского и Бухарского ханств²² и хлопотать о бухарских купцах в Астрахани.

Бухарский посланник Кулибека, во-первых, был осведомлен об экспедиции Александра Бековича-Черкасского в Хиву. По прибытии в Астрахань с ним встречался, о чем и сообщил в Сенате: «Он посол виделся с ним князем Черкасским и сказал, ему чтоб он од хивинцев берегся, ибо они люди превратныя и чтоб над ним чего не учинили»²³. Еще по пути к Москве посол знал о печальном исходе экспедиции. Из переписки Кулибека с президентом Иностранной коллегии, первым канцлером Гавриилом Ивановичем Головкиным, мы узнаем, что правитель Бухары пытался помочь каким-то образом несчастным участникам экспедиции: «Мой Государь послал в Хиву для того,

что которые взяты з Бековичем... в полон чтобы тех взятых людей всех из Хивы прислали в Бухару... И ежели хан хивинский в неволю взятых русских людей не вышлет, то хочет сам мой Государь поднятца из Бухары в Хиву войском и о том изволил донести вашему царскому величеству»²⁴.

Было ли это действительно намерением спасти плененных участников отряда Бековича-Черкасского или дипломатической уловкой, сейчас сложно сказать. Впоследствии, как выяснил российский посланник в Бухару Флорио Беневени, правитель Бухары действительно планировал идти войной на Хиву.

Сама личность посла Кулибека не менее интересна, чем история посольства. В. Г. Воловников, ссылаясь на данные фондов РГАДА, пишет о том, что посол о принятом в России «обычае и обхождении» был «весьма знающий»²⁵. Известно, что его мать Дарья была русской пленницей в Бухаре и даже сохранила православное вероисповедание²⁶.

Возвращаясь к переговорному процессу, напомним, что одним из самых важных пунктов посольства Кулибека было ходатайство о бухарских купцах. В «собственноручной цидуле хановой» Абул Феиз просил Петра Великого отпустить своих подданных, задержанных в Астрахани: «Ныне слышно мне учинилось, что некоторые мусуламаны в Астарахане обжились, и оных по некоторым поклепным словам и неприятельским и неимоверным напрасно затеянными, оболгали и доносили вам на них, и вы соизволили гневом своим их отягчить; а ныне желаем, дабы сие мое докучное просительное писание прочитав, для нашего приятства и любви, оных бедных от гнева освобождая, позволили отпустить в отечество их, чтоб оные, будучи в домех своих, как за вас, так за нас Бога молить могли. Мы же послали 36 человек (по списку прибывших с Кулибеком их было 9. – А. А.) русских полоняников из нашего двора к вам, для умножения дружбы нашей, и впрочем, яко верно доброжелательный слуга, вам обо всем явлюся по состоянию дружбы»²⁷.

Именно этот пункт обращает на себя внимание, и, к сожалению, о нем так мало говорилось в отечественной историографии. Правитель Бухары беспокоился о своих подданных купцах не в меньшей степени, чем и о хивинской миссии Бековича.

Петр в условиях резкого ухудшения отношений с Хивой после неудачной миссии Бековича решает укрепить связи с Бухарским ханством и отпускает практически всех арестованных бухарских купцов. В его ответной грамоте было написано: «Что вы при грамоте своей к нам великому государю в цыдуле писали, внося прошение об освобождении из аресту Бухарцов, астраханских жителей, держанных в Санктпетербурге за некоторые их великие преступления, и хотя те люди все за их освидетельствованные вины достойны были смертные казни, однако ж мы, ради вашего о них заступления и прошения, от той казни их милостиво освободили и в дома их отпустить повелели. И хотя из них два человека, которые наипущие злодеи и в явной измене явились и необходимо за преступление свое смерть заслужили, но и те такожде от казни, ради оногo вашего предстательства, уволены и посланы на житье в некоторой наш город, где б они вреду впредь учинить не могли, и велено их в пропитании доволствовать»²⁸.

Здесь речь шла о заговорщиках в Астрахани, которые в 1714 г. вступили в сговор с калмыцким ханом Аюкой и выступили его посредниками в переговорах с турецким султаном. Планировалось совместно с кубанскими татарами и ногайцами захватить Астрахань и передать ее во владение Османских правителей. О заговоре стало известно послу Шафирову. Два бухарца (руководители заговора) были сосланы «в Кольский

острог на вечное житье», а всем мусульманам, жившим в России, на некоторое время было запрещено отправляться в паломничество в Мекку²⁹.

Одним из последних, но важных пунктов, о которых говорили и посол, и купчина, была просьба бухарского правителя о присылке ему «посла человека разумного»³⁰. Таковым стал знаменитый впоследствии российский посланник на Востоке, итальянец на русской службе Флорио Беневени. Его и стали готовить к экспедиции «с огромным поспешанием». Как было верно отмечено исследователями, о срочности мероприятия «свидетельствует, например, тот факт, что не все необходимое было подготовлено сразу и деловая переписка продолжалась и в дороге»³¹. Будучи в Москве, Флорио, получив царскую поздравительную грамоту к хану Бухары, стал заниматься собиранием подарков ко двору бухарского правителя. И пока Кулибека держали в Астрахани и не отпускали в Бухару, Флорио готовил подношения для «тартука» – набор дорогих даров и подношений, которые преподносились знатым и влиятельным людям³². Более осведомленный, нежели его предшественники, и имеющий опыт дипломатических переговоров с османскими правителями, он усиленно стал собирать подношения для приближенных хана Бухары и его родственников.

Кулибек уже вез с собой подарки от Петра к Абул Феиз хану. Согласно документам, приводимым князем Хилковым, он вез «часы столовые боевые, с игрою и с репетициею,³³ во 130 рублей, и 6 кречетов хороших»³⁴. Флорио в Москве набрал «мягкой рухляди... бобров, кож, сукон, фарфора, оловянной посуды три пуда, часы большие, боевые с курантами, множество „серебряных английских часов с репетициею“»³⁵.

История миссии Беневени уже выходит за рамки нашей статьи, посвященной именно бухарскому посольству. Все же следует обратиться к реляциям знаменитого итальянца, посредством которых можно узнать о дальнейшей судьбе бухарского посланника.

Помимо того, что ему поручались дипломатические задачи, основной его специальностью была артиллерия. Кулибек, как мы уже знаем, был своего рода генерал (начальник) от артиллерии³⁶. Как заметил Беневени, Кулибеку следовало во время своего пребывания в России изучить артиллерийское дело. В 1722 г., когда хан решил проверить военные навыки своего сановника и поручил ему командовать над одним орудием при осаде взбунтовавшегося Самарканда, Кулибек задачу не выполнил. «Оную пушку от искусства того Хан Кулия разорвало и человека убило, и хан оную пушку возил с собою не для того, чтоб неприятеля побить, а токмо громом попужать бы его»³⁷. Дружественное или, как пишет сам Беневени, братское его отношение к Кулибеку не находило взаимности. Несмотря на многочисленные ссуды и подарки, выданные ему, Кулибек «не токмо какого вспоможения и услуги» не оказал, а наоборот, «злобные противности» творил, «обносил нечестно многих знатных российских персон в предосуждение интересов».

«Потом с отчаяния своего выпросил оной у хана себе отпуск в Персию и грамоту рекоmendательную до нынешнего шаха об отпускании около 4 тысяч рублей: сказав он, Хан Кули, будто тамошние персикские министры, когда вместе с оным посланником ехал чрез Персию, насильно те деньги отняли, также для отыскания будто пожитков деда своего в Астрахани, про которого сказал, что там умре. И поехал он, Хан Кули, в Персию и более не возвратился, а сказывали, будто поехал в великой нищете чрез Константинополь в Меку, к гробу Махометову. И тот его, Хан Кулиев, отъезда в Персию ему, посланнику, немалое бедство доставил, ибо увидя бухарской двор (от которого немалое число денег он, Хан Кули, взял было на покупку всяких персикских товаров), что более оной не возвращается»³⁸.

Кулибек перед отъездом успел серьезно навредить репутации Флорио Беневени при дворе бухарского хана. В итоге, как известно, итальянцу пришлось пуститься в бега, в Хиву, где ханом был Шир Гази, который относительно недавно вероломно уничтожил экспедицию Бековича-Черкасского. Хива, казалось бы, вновь выходит на первый план во внешнеполитических приоритетах России в Средней Азии.

После смерти Петра Великого на довольно большой срок прекращаются дальнейшие попытки экспансии в пределы Средней Азии. Во время правления Петра, несомненно, в данном регионе большое значение имела Хива. При этом, справедливости ради, следует заметить, что и Бухарское ханство, во-первых, предпринимало попытки совершенствовать контакты с Россией, а во-вторых, уже тогда пыталось противодействовать внешнеполитическим устремлениям ее в пределах региона. Об этом свидетельствует в том числе и история посольства Кулибека Топчи Баши.

- ¹ Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2011. С. 75.
- ² История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преображенского : в 2 вып. М., 2004. Вып. 2. С. 590.
- ³ Там же.
- ⁴ РГАДА. Ф. 109. Сношения России с Бухарой. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Л. 44.
- ⁵ Походная канцелярия Шафировова / под ред. Т. А. Базаровой, Ю. Б. Фоминой. СПб., 2011. Т. 3. С. 266.
- ⁶ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 44.
- ⁷ Сопровождавшее посольство духовное лицо. «Ахунд» (آخوند) с фарси переводится как мулла.
- ⁸ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 463.
- ⁹ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. Д. 1. Ч. 1. Л. 141 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 99.
- ¹¹ Там же. Л. 100.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Зарбаф (на фарси – زر بفت) – золотая или серебряная ткань с узорами шелковыми, серебряными и золотыми; زر на фарси означает золото, بفت – ткань. См.: *Савваитов П. П.* Описание старинных русских утварей, одежда, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 38.
- ¹⁵ Неотделанная тонкая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения.
- ¹⁶ Бурметь – нечто вроде холста из хлопчатобумажной пряжи персидского изделия.
- ¹⁷ Скорее всего, имеется в виду шкура того барса, который умер в дороге.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 100 об.
- ¹⁹ Сборник князя Хилкова. С. 465.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 100 об.
- ²¹ Там же. Л. 209 об.
- ²² На встрече с канцлером Кулибек спрашивал об истинной цели посольства Бековича.
- ²³ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 215.
- ²⁴ Там же. Л. 102.
- ²⁵ Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах / редкол. М. Л. Вайс [и др.] ; отв. ред. Н. А. Халфин. М., 1986. С. 13.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Сборник князя Хилкова. С. 550.
- ²⁸ Там же. С. 551, 552.
- ²⁹ Там же. С. 465.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 195.
- ³¹ Посланник Петра I на Востоке... С. 12.
- ³² *Искандаров Б. П.* Из истории Бухарского эмирата: Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в. М., 1958. С. 13.
- ³³ Механические часы, отбивающие час, четверть часа.
- ³⁴ Сборник князя Хилкова. С. 466.
- ³⁵ Посланник Петра I на Востоке... С. 12.
- ³⁶ *Ишанов А. П.* Создание Бухарской Народной Советской Республики, 1920–1924. Ташкент, 1955. С. 33.
- ³⁷ Посланник Петра I на Востоке... С. 124.
- ³⁸ Там же. С. 134.